

Русь, куда-жъ несешься ты?

Россия и Гоголь.

Исполненскіе образы Гоголя, какъ зло-вѣщее тавро, выжжены на Россіи — Чичиковъ, Хлестаковъ, Плюшкинъ, Ноздревъ — всѣ русскіе образы Гоголя ужасаютъ пошлостью и низостью своей, ничтожествомъ духа.

Мертвыя души — онъ вѣдь такъ и сказалъ о русскихъ — мертвыя души.

А второй части «Мертвыхъ душъ» не издать онъ въ свѣтъ и эту рукопись свою сжегъ. И намъ не явлены живыя русскія души, другіе русскіе образы.

Гоголь задолго до крушенія, до жесто-чайшаго обвала Россіи и русскихъ про-видѣлъ все потрясающее наше паденіе.

И страшно, что видѣнія его о Россіи оборвались на первой части «Мертвыхъ душъ».

И вотъ страной мертвыхъ душъ, гдѣ кишитъ пошлая человѣческая смѣсь Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ, страной кошмаревиннымъ, съ бумажно-фантастиче-скимъ правленіемъ — на глазахъ всѣхъ насъ, живыхъ, и кончилась живая Россія.

Ужасающія провидѣнія Гоголя сбы-лись. Недаромъ въ предсмертномъ пись-мѣ своемъ онъ писалъ:

«Стояетъ весь умирающій остовъ мой, чуждъ исполненскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшнѣй-ша отъ нихъ поднимаются».

И еще мучительнѣе глухой вопль Го-голя въ его «Перепискѣ съ друзьями» прямое пророчество о томъ, чему свидѣ-телями мы. Пишетъ Гоголь, что его охватываетъ «сокровенный ужасъ при видѣ тѣхъ событий, которыми повелѣлъ Богъ совершиться на землѣ, назначенной быть нашимъ отечествомъ».

И вотъ всѣ страшнѣйша поднялись и ступили на русскую землю. Самому Вио были подняты желѣзныя вѣки и онъ, Вио Желѣзный, растерзалъ тысячи — что тысячи — сотни тысячъ живыхъ русскихъ душъ въ застѣнкахъ разстрѣ-ловъ, собачьихъ подвалахъ, трупар-няхъ...

И вотъ, какъ будто всѣ событія, пове-лѣнія Богомъ, самая казнь Россіи, отъ которой содрогнулось все живое въ чело-вѣчествѣ, уже оттремѣла на землѣ, «на-значенной быть нашимъ отечествомъ».

Но длится, длится пошлое круженіе мертвыхъ душъ въ страшной странѣ на-родной нищеты и невѣжества, организо-ванныхъ массовыхъ убійствъ и организо-ванной лжи, въ странѣ Совѣтовъ, въ той странѣ, что была еще недавно Россіей.

А будетъ ли?

«Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ».

На даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчики, гремитъ и сте-

новится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ и, косясь, посторониваются и да-ютъ ей дорогу другіе народы и государ-ства»...

«... Не молнія ли это, оброшенная съ неба. Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе. И что за невѣдомая сила за-ключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ».

Куда несется, куда занесло русскую тройку? Кто сѣлъ на возлы возницы вмѣсто боро dataго тульскаго, а то ко-стромскаго ямщика въ лихой ямщицкой шляпѣ съ пазлынымъ перомъ? Кто нынче правитъ тройкой, вмѣсто веселаго и добраго русскаго человѣка?

Не самъ ли Сатана погналъ русскихъ коней въ бездну?

Не даромъ на весь свѣтъ давно крик-нула Гоголь:

«Дьяволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ! Почуя, что признаютъ его го-сподство, онъ пересталъ уже чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ глупѣйшіе законы даетъ міру и міръ не смѣетъ ослушаться».

«Черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ, и воз-стаетъ только въ виду всѣхъ исполнен-скій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста».

«Все глухо, мглола повсюду! Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ...»

А намъ, въ наши заглохшіе дни, когда одна мглола повсюду, что осталось крик-нуть намъ, русскимъ:

— Боже, уже стало пусто и страшно въ Твоемъ мірѣ!

И развѣ не о насъ, творещихъ, об-мельчавшихъ и обмельвшихъ, сказано Гоголемъ:

«Все теперь расплылось и расшурова-лось. Дрянь и тряпка стали всякъ чело-вѣкъ. Нигдѣ я не вижу мужа».

Такъ что же, — конецъ? Такъ первой частью «Мертвыхъ душъ» и прикончи-ся Россія? Прирѣзанъ, сброшенъ съ ко-зелъ лихой русскій ямщикъ и самъ чортъ погналъ русскихъ коней подъ от-косъ въ бездну?

Какъ зауспокойную псалтирь, а то какъ книгу русскаго бытія, озаренную яс-нымъ смѣхомъ, о которомъ самъ Гоголь сказалъ, что «смѣхъ родился отъ любви къ человѣку». — книгу бытія, прорѣ-занную мгновенными замахами пророче-скихъ молній, — перелистываешь вели-кія страницы Гоголя въ день поминове-нія его.

И все нищеть, нищеть отвѣта... Неужели же на всемъ скаку съ грознаго бѣ-га, ринулась русская тройка въ прошлое

или пали русскіе кони, или мчатся безумные безъ дорогъ?

Русь, куда-жъ несешься ты? Дай от-вѣтъ...

На великихъ страницахъ Гоголя есть и отвѣтъ. Какъ дальняя заря, какъ тор-жественное тѣніе свѣта сквозить на стра-ницахъ его великій отвѣтъ. Вотъ слова его о Россіи:

«Русь открыто-пустынно и равно все въ тебѣ. Грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшной силой отразая въ глубинѣ моей, неестественной вла-стью освѣтилосъ мой очи... У-у — ка-кая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!»

Слышите. — страшная сила и неесте-ственная власть вложены въ душу каж-даго русскаго его державнымъ простран-ствомъ.

Но миллионы «сидной, увальней и бол-валовъ дремлютъ непробудно и рѣдко рождаются на Руси мужъ, умбющій про-нести всемогущее слово, котораго жаждетъ повсюду русскій человѣкъ».

«Но вѣка проходить за вѣки, позор-ной лѣнью и безумной дѣятельностью невѣрлага юноши объемлетъ Русь».

«Государь Петръ Первый прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла и до сихъ поръ остаются такъ же пустыннымъ, груст-нымъ и безлюднымъ наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все во-кругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома».

«Иной разъ, право мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой-то про-пащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги и постоянства. Хочетъ сдѣлать, и ничего не можетъ... Право, и такъ всѣ».

«Но у послѣдняго подлуги, каковъ они ни есть, хоть весь завалился онъ въ са-жѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупина русскаго чувства, и проснется онъ когда-нибудь и ударится онъ, горемычный, объ полъ руками, схватитъ себя за голову, проклявши громко полую жизнь свою, готовый му-ками искупить позорное дѣло».

У послѣдняго русскаго ничтожества, у тѣхъ, кого назвалъ Гоголь «дрянью и тряпкой», безчисленныхъ мелкопроб-ныхъ Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Ноз-древыхъ, книжна кишащихъ въ насъ съ нами и въ странѣ мертвыхъ душъ — бу-детъ, будетъ такой день, когда схватятъ они себя за голову, ударятся объ полъ, готовые муками искупить позорное дѣло.

И вѣрмъ, такимъ искупленіемъ въ мукахъ показанія, такимъ русскимъ пре-ображеніемъ въ могучемъ свѣтѣ и въ грозной силѣ и начнется вторая часть книги русскаго бытія — Души Живыя. Эта глава Живой Россіи начнется приходомъ мужа, Гоголь не разъ въ свя-щенныхъ заклинаніяхъ вызывалъ его:

взнести всемогущее слово, котораго жаждетъ повсюду русскій человѣкъ».

Но онъ рождался. Тому свидѣтель-ствомъ наше величественное, наше изумительное прошлое. Свидѣтельствомъ тому и патриархъ Гермогенъ, и Петръ Великій, и Ломоносовъ, и Суворовъ, и Пушкинъ, и самъ Гоголь.

Русскій мужъ родится. А можетъ быть онъ уже ходитъ, дышитъ среди насъ, живыхъ. Можетъ быть онъ тамъ въ Россіи, можетъ быть въ изгнаніи, но онъ явится, онъ долженъ явиться.

Ежели отшвырнуло Россію за безмыс-ленной, но великой, корчей Ленина, — какъ хлынетъ она вся, вставъ живой за великимъ всемогущимъ словомъ русскаго мужа, который грядетъ, который уже стоитъ у дверей...

Неужели вы не чувствуете, что онъ близко. Къ нему уже подготовлены всѣ русскія души и въ какое бы ничтожество ни впа-далъ русскій человѣкъ, въ немъ всегда и всюду, даже и въ паденіи, величествен-но дышитъ страшная сила и неестествен-ная власть, вложенная въ него отъ рож-денія самимъ могучимъ русскимъ про-странствомъ. И это великое дыханіе са-маго его существа всегда избираетъ ему великія и страшныя дороги...

«Зачѣмъ ни Франція, ни Англія, ни Германія не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Россія?» — спрашиваетъ Гоголь и отвѣчаетъ:

— «Зачѣмъ, что Россія сильнѣе дру-гихъ слышитъ Божью Руку на всемъ».

Сама русская тройка несется «вся вдохновенная Богомъ». Сама казнь Россіи свершилась «повелѣніемъ Бога».

Рука Божія на Россіи и теперь и все-гда.

Нѣтъ, не пали русскіе кони, нѣтъ, не чортъ погналъ русскую тройку, нѣтъ, не остановился даже на мигъ исполненскій бѣгъ русскихъ коней.

Подождите вотъ развернется сіяющая страница второй части книги русскаго бытія, вотъ уже разворачивается.

Придетъ русскій мужъ, которому не будетъ страшень и самъ дьяволъ, сжали онъ даже и вступилъ въ міръ. Придетъ великій русскій мужъ и грянетъ объ полъ руками русскій человѣкъ и схватитъ за голову и встанетъ самъ преобра-женный, самъ великій.

Русь, куда-жъ несешься ты?

Въ потрясающихъ, какъ зарево молній, въ краткихъ словахъ Гоголя данъ и по-слѣдній отвѣтъ о раскрытія русскаго та-инства, о томъ, куда въ грозѣ и ужасѣ, мчится Россія.

— «Праздникъ Воскресенія Христова воспряднуется прежде у насъ, нежели у другихъ».

Къ празднику Воскресенія, сквозь ки-шѣніе смерти, сквозь огонь и кровь, сквозь бурю и тьму, молніей, павшей съ неба, мчатся мчатся русскіе кони...

Иванъ Лукашъ.